

ВОЛШЕБНЫЙ
МИР
ЭНДЖИ

ИСЛАМЖАН Т.

Исламжан Тохтиев

Волшебный мир Энджи

<https://litres.ru/72516829>

SelfPub; 2025

Аннотация

Когда-то Дармиан был всего лишь «бракованным» учеником великой школы Асделии. Но всё изменилось с приходом Конкурса Братства.

Он нашёл друзей, испытал преданность, обрел любовь... и столкнулся с предательством. Самый страшный враг оказался ближе, чем он думал.

Когда судьба и магия сплелись воедино, в нём проснулась сила, которой не ждали — дитя трёх рас, носитель Тьмы и Надежды. Теперь он — не просто ученик. Он — ключ к переменам.

Это история о потере и верности, о выборе между местью и справедливостью. История, где магия — это сила, а сердце — главное оружие.

Первая часть эпической саги о мире Энджи — начале великого пути.

Исламжан Тохтиев

Волшебный мир Энджи

Пролог.

Много веков назад, в самом сердце мира Энджи, светилось нечто особенное, чистое и вечное – Сердце Энджи.

Этот свет был дыханием жизни. Он наполнял всё: небо, землю, души. Он давал силу. Рождал магию. Из него появились и созидание, и разрушение.

Так появились три великие расы. У каждой своя сила и у каждой своя судьба.

Люди Света.

Глаза были зелёными, глубокими, как лес. Они не обладали магией, но в их телах жила сила – не от чар, а от света Энджи, которую они впитали своей плотью.

Они рождались сильными, такими, что голыми руками могли ломать огромные горы.

Люди света не нуждались в колдовстве.

Опустошители.

Они же – дети тьмы.

Их глаза, словно два уголька, пылали красным огнём.

Они не творили – они опустошали.

Могли лишить противника энергии, высосать всё до пустоты.

Жили они по суровому закону силы.

И не ради власти, а ради тех, кого хотели защитить.

Маги Энджи.

С глазами цвета чистого голубого неба.

Они черпали магию из глубин Энджи, из самого света.

Они любили создавать, учить.

И были хранителями древних знаний.

Между тремя расами веками шла война за территорию, которую охватывала Сердце Энджи – место, где сама природа была пропитана изобилием и плодородием. В каждом дереве, в каждом листочке, что рос рядом с этим местом, текла особая энергия, которая манила и людей, и зверей.

Несметные богатства и невиданная удача сопутствовали тем, кто жил здесь.

Но города рушились. Леса превращались в пепел из-за войны. Реки текли алой кровью.

Никто не побеждал. Никто не хотел сдаваться. А земля... не успевала принять мёртвых.

Пока однажды...

Из самых тёмных глубин Энджи, куда не проникал свет – не поднялось нечто хуже самой войны.

Смэрвэлион. Древнейший демон. Изуродованный ненавистью, как железо – пламенем. Он был злом. В чистом, первозданном виде.

Он не строил. Не захватывал. Он явился, чтобы разру-

шать. Чтобы стирать жизнь. Там, куда ступала его армия – оставалась пустота.

Земля чернела. Деревья гнили за секунды. Свет исчезал – навсегда.

Он пожирал души.

Из тел мертвецов поднимал свою армию. Безвольные те-ни. Холодные. Молчаливые.

С каждым днём он становился сильнее.

А над его армией, парило нечто ещё более страшное – дра-кон.

Чешуя – чернее ночи. Глаза – безумие и ярость. Дыхание – огонь, сжигающий не плоть, а саму душу.

Ни одно копьё. Ни одно заклинание. Ничто не могло про-бить его чешую.

Смэрвэлион верхом на своём демоне, словно чёрная тень над миром, нёс миру не войну. Он нёс конец.

И тогда, в самый тёмный час. Трое, кто веками были вра-гами, сделали невозможное – они объединились.

Первым пришёл Мэлвас – предводитель опустошителей. Он был молчалив, но нестигаем.

За ним – Есильдор, старейший маг, мудрый и могуще-ственный.

Последней – Асделия, Госпожа клана Света. Её воля была сталью, а глаза – сияли надеждой.

Они встретились в самом Сердце Энджи. Там, где спят

чудовища. Где шепчет сама земля.

Они уже не смотрели друг на друга свысока, или как на врагов. Они смотрели – как те, кто обречены на смерть. Но всё ещё готовы драться и дать бой.

Смэрвэлион был сильнее каждого из них.

Один за другим – они падут.

Вместе – был маленький шанс. Один, ничтожный и единственный.

Они начали ковать оружие. Не из железа. Не из кости. Не из камня. Оно было выковано из их сути. Из силы. Из магии. Из пустоты. Копьё.

Копьё, в которое Есильдор вложил половину своей магии. Огромной и яростной, как шторм.

Мелвас отдал половину темной, необузданной и невероятно стойкой силы. Силы, что опустошает и высасывает абсолютно все, где таиться хоть капля энергии.

А Асделия... Великая воительница, предводительница людей света. Та, что не ведала страха. Та, чья воля вызывала восторг даже среди магов и опустошителей.

Решила отдать всё. Всю себя.

Когда копьё было готово, она подняла его. Оно было тяжёлым. Не только из-за силы – но из-за судьбы.

Ни маг. Ни опустошитель. Никто другой не смог бы его удержать. Только она. Та, в чьём теле жил свет.

И когда три расы встали плечом к плечу. Объединившись за века. Они пошли не за славой. Не за местью. Они пошли

положить конец.

Асделия стояла на холме. Внизу она видела поле битвы. Где маги, воины света и опустошители, те, кто ещё вчера были врагами, сражались вместе. Асделия подняла копье. Оно вспыхнуло ярким огнём в её руках. Жаркое. Тяжёлое. Неотвратимое.

Она чувствовала, как копье поглощает всё. Её силу, свет и жизнь.

И всё равно – бросила.

Копье, с огромной силой полетело в небо. Оно ревело, кричало как ярость.

Прожигало воздух и раскалывало облака.

С неба, на объединенную армию кланов, на своём чёрном драконе, мчался Смэрвэлион. Он увидел копье, летящее с безумной силой Асделии, слишком поздно. Копье сначала прошило дракона. Чешуя тёмного демона треснула и его тело раскололось напополам. Затем, оно вонзилось в Смэрвэлиона. Он взревел. Земля задрожала. Свет вырвался изнутри, он выжигал не тело, а его душу. Дракон рухнул, ломая под собой деревья как соломѹ. А Смэрвэлион... исчез. В ослепительном сиянии.

Асделия пошатнулась. Мир перед ее глазами угасал. Слова стали далёкими. Тело – пустым.

Она падала.

Крепкие руки Мэлваса, но холодные как лёд, поймали её. Асделия взглянула ему в глаза и слабо, в последний раз,

улыбнулась.

Затем шёпотом, из последних сил, произнесла:

– Отныне враг... мой союзник.

А союзник... мой друг.

И закрыла глаза.

Она оставила после себя мир. Мир, в котором тьма, наконец отступила.

Воины стояли молча. Без крика. Без победных песен.

Лишь небо: светлое, тихое. Где нет дракона. Смэрвэлиона.

И Асделии.

Может, Смэрвэлион и был повержен. Но он не исчез. Он ушёл – в тени, в трещины, в шёпот.

Как и копьё, исчезнувшее в лесу. Будто сама Энджи решила для всех – пока хватит.

Но оно ждёт. Не победителя. А того, кто снова принесёт мир.

С тех пор три расы заключили перемирие. А на месте, где Асделия отдала свою жизнь, кланы построили школу. Для всех: для потомков магов, для опустошителей и людей света.

В самом центре двора, воздвигнули огромную статую Асделии с копьём свободы в руках. Под ней высечены слова: “Когда мой враг стал мне союзником, родился друг.”

Каждый, вступивший в эту школу, читает их. И знает – здесь начинается новый путь.

Глава I. Асделия.

Маги, опустошители и люди света – три клана, три силы, три истины. Все слишком разные, чтобы понимать друг друга... и слишком связаны, чтобы просто разойтись.

Маги рождаются с силой, которой наделил их древний свет Энджи. Они изучают магию, углубляются в её тайны, обуздывают её законы. Их сила – результат знаний, дисциплины и внутренней гармонии.

Опустошители, напротив, не учатся – они поглощают все. Энергия – их пища, их инстинкт. Они питаются ею, ищут её, где бы она ни была: в древних кристаллах, в природе... или в других.

Люди света живут без магии, но в самом их теле, огромная сила, унаследованная от самого света Энджи – не как энергия, а как плоть и кровь. Их удары ломают камень, а в скорости, они не уступают даже самому быстрому зверю.

Много веков назад, несмотря на вражду, три клана заключили соглашение. С той самой войны их связывает одно место – школа Асделия.

С тех пор каждый клан отправляет туда своих детей – не только ради обучения, но и ради надежды: что новое поколение не повторит ошибок старших.

В Асделии лучшие преподаватели помогают ученикам:

Магам пробудить свой дар, опустошителям сдерживать свою природу, а людям света оттачивать свою силу.

Асделия – это место, где сходятся расы и рождаются судьбы.

В школе Асделия Я выделю трёх учеников – чьи истории вот-вот изменят ваш мир.

Рафаэль – юный господин, сын Люциана, главы клана магов, и будущий предводитель всего магического рода. Его сила – предмет восхищения, а ум – источник зависти и страха. С ранних лет он проявлял невероятные способности в магии, а к шестнадцати овладел тёмными искусствами, недоступными многим. Тёмной магии его тайно обучала мать – Валерия, директор школы и легендарная магиня. В Асделии к нему относятся с почтением, но осторожно: даже учителя выбирают слова при общении с ним.

Джасмин – младшая и любимая дочь Аурэлиона, владелица клана Света. Она – словно живая копия Великой Асделии, той самой, что отдала жизнь ради спасения мира, в честь которой названа школа.

Джасмин юна, талантлива и красива. Её присутствие – как дыхание самого света, к которому тянутся сердца. В неё влюблены и маги, и люди света, и даже опустошители – те, кто вроде бы не знают любви. Но никто не осмеливается открыть ей свои чувства.

Мать Джасмин умерла, когда она была ещё ребёнком – свет в её теле угасал медленно, незаметно. Она стремилась

помочь всем: лечила, защищала, оберегала даже зверей из дикого леса, спешила туда, где её ждали. Хотела быть везде, для всех – и не заметила, как устало её собственное тело. Болезнь пришла тихо, как тень на рассвете, и унесла её, пока она снова пыталась спасти кого-то.

С тех пор отец стал для Джасмин и опорой, и тенью **Дармиан** – мальчик с кроваво-красными глазами, но он не опустошитель, хотя многие так думают. Он сам не понимает, почему родился с такими глазами. В нем нет ни магии, ни сил. Только эти глаза. Из-за них его распределили в класс опустошителей, но никто не стал разбираться, кто он на самом деле.

Его приняли в школу лишь по просьбе бабушки Миреллы, которая принадлежит к клану света, она работает поварихой и славится самыми вкусными пирогами, которые нравятся всем, особенно маме Рафаэля – директрисе Валерии.

Дармиан не стремится к разрушению или власти. Он просто ищет понимания и дружбы.

Хоть Рафаэль и не замечает Дармиана, на самом деле они знакомы с самого детства.

Поместье рода Рафаэля – огромное, с высокими башнями, прекрасными садами и магическими барьерами – граничит с маленьким старым домиком у самого леса. Там живёт Дармиан со своей бабушкой.

Когда-то Рафаэль часто приходил туда. Не по приказу и не из вежливости – ему просто нравилось это место. Запах

пирогов, тепло, улыбка бабушки, редкие, но искренние разговоры. И та чистая любовь Миреллы к Дармиану, которой так не хватало Рафаэлю.

Мирелла встречала его с кружкой горячего отвара и говорила:

– Ты умён, Рафаэль. Но не забывай быть добрым.

Многие пытались выкупить их маленький дом. Даже Аластар, капитан магической гвардии, предлагал золото и защиту.

– Я не продам, – отвечала она. – Здесь жила моя дочь. И этот дом – это память о ней.

Глава II. Шёпот прошлого.

Вместе с первыми лучами солнца просыпалась Асделия – великая школа, старая и полная тайн.

Сегодня в школе было особенно ярко. Во внутреннем дворе – шум, смех, шаги, восторженные выкрики учеников. Новички впервые переступали порог легендарной школы. Старшеклассники возвращались... будто домой. Рафаэль пришёл раньше всех.

Спокойными шагами, не говоря ни слова, он направился к главной лестнице. Следом – Джасмин. Сдержанная, красивая, окружённая вниманием, она направилась в класс. А вдалеке от всех, почти растворившись в тени стены, стоял

Дармиан. Тихо. Незаметно.

Когда огромные настенные часы, висевшие у входа в Асделию пробили восемь, над школой разнёсся сильный и ясный голос:

– Добро пожаловать в Асделию, – прозвучало с балкона главного зала.

Это была директриса Валерия.

Прямая осанка, длинные, красиво уложенные волосы. Глаза ярко-голубые, манящие, будто в них спрятался океан. На вид ей было не больше двадцати пяти, но все это было лишь магией, магией омоложения. Она стояла на возвышении, и голос её легко перекрывал гул двора.

– Вы вступаете в место, где рождаются судьбы. Здесь не важно, из какого вы клана. Здесь важны только ваш выбор и ваша воля.

Младшие ученики замерли. Все они внимательно слушали Великую магиню.

– Я надеюсь, вы научитесь не только владеть силой... но и использовать её правильно.

Она перевела взгляд на старших. В голосе её звучала строгость:

– А вы, старшие... помните.

До Конкурса Братства осталось всего тринадцать дней.

Подготовка начнётся уже завтра. С первым восходом солнца.

Двор стих. Все внимательно слушали. И даже воздух буд-

то бы остановился, чтобы прислушаться к словам Валерии.

– Этот конкурс проходит раз в тринадцать лет. Участников не выбирают наставники. Их имена назовёт Огонь Призывания – древний и живой, созданный Есильдором, Великим Магом и основателем Асделии. Огонь не просто призовет. Он выберет достойных – по двое от каждого из трёх великих кланов.

Старшекласники переглянулись.

– Тот, чей клан добудет победу, будет благословлён самой Энджи. Их земли наполнятся плодородием, звери будут следовать за ними, а удача и изобилие придут во все дома. Имена победителей навсегда войдут в Летопись Трёх Народов.

Через девять дней, в священное полнолуние, огонь пробудится в Зале Истока...

Толпа шевельнулась. Все ждали этого момента. Все хотели участвовать. И все хотели принести победу своему народу.

Шанс, что даётся раз в тринадцать лет. Шанс, который меняет всё.

Далеко от балкона. Где не было восторга, фанфар и шёпота ожидания... На кухне, в глубине школы, одна женщина замерла. Повариха Асделии – Мирелла. Бабушка Дармиана. В руках – поднос с горячими пирогами. На сердце – старая, почти забытая боль. Слова Валерии ударили по памяти, как удар колокола:

Конкурс Братства. Её руки задрожали. Ведь когда-то,

много лет назад... Её дочь – Миранна – тоже была выбрана Огнём Призвания. Светловолосая. Упрямая. С зелёными глазами, что светились, как весеннее солнце. Она была гордостью деревни.

Девчонка без знатной крови, но с душой, в которой жила сила.

Её отправили в Асделию. Она ушла. И не вернулась. Бесследно, без слова. Без прощания.

Но годы спустя, в безлунную ночь. Тёмное небо – пустое, мёртвое, окутало маленький домик у леса. Ни звезды. Ни ветра. Лишь тихий стук в дверь. Один раз. Глухо.

Мирелла открыла – и сердце её сжалось. На пороге стояла она. Миранна. Её единственная дочь. Глаза – потухшие, потерявшие зелёный цвет, что когда-то сверкал в них, как само солнце. Теперь они были серыми, почти стеклянными.

Лицо – состарившееся, будто из него высасывали жизнь день за днём. В руках она держала маленький сверток, а внутри него младенец. Он едва слышно шевелился, посапывая во сне.

– Мама, пожалуйста... заberi его, – прошептала Миранна.

– Его зовут Дармиан.

Когда она подавала ребёнка, крошечные пальцы Дармиана схватили её за руку – он будто понял, что их разрывают. Миранна закрыла глаза. На мгновение – будто колебалась. Но потом осторожно разжала пальчики младенца и передала

свёрток матери. Мирелла не спросила ни слова – не потому, что не хотела, а потому что не смогла. Тишина внутри была оглушающей. Мысли рассыпались, язык онемел. Слова застряли в горле, и только слёзы катились по щекам – горячие, мучительные. Миранна молча отвернулась и шагнула в ночь.

И вдруг... Словно очнувшись от тяжёлого сна, она крикнула —

– Миранна!

И бросилась за ней. Выбежала за порог, босыми ногами по холодной земле. Слёзы застилали глаза, дыхание сбивалось, в груди горело.

– Миранна!.. – прозвучало снова, как крик из самой души. Жалобно, отчаянно, словно этот звук мог вернуть её. Но тьма молчала. Вокруг не было ни шороха, ни дыхания. Ни следа. Она исчезла – как призрак.

Мирелла стояла посреди этой ночной пустоты, сжимая в руках свёрток, по лицу стекали слёзы, тяжелее слов.

С тех пор она больше её не видела. Не слышала ни слова, ни вести. И больше не спрашивала. Потому что сердце знало – дочери не стало. Она пришла проститься. И ушла навсегда. Лишь однажды, склонившись над колыбелью, где спал крошечный Дармиан, она прошептала:

– Я буду рядом. За тебя. За неё. За всех.

Глава III. Под покровом школы. Аштель.

С первой полоской света, что попадал на огромные крыши Асделии, школа просыпалась: коридоры наполнялись гулом голосов, шагов, шорохом книг, смеха и споров.

Ученики заполняли аудитории – каждый в одежде, отражающей принадлежность к своему клану.

Маги носили мантии голубого цвета с тонкой серебряной вышивкой – символ ветра, заклятий и знаний.

Люди Света – в лёгкой форме с вышитым на воротнике и спине золотым солнцем, из которого вместо лучей расходились копыя.

Этот знак был не просто украшением – он напоминал о великой Асделии, предводительнице Света, которая когда-то пожертвовала собой, метнув копьё, чтобы спасти Энджи от древнего зла.

А у опустошителей всё было иначе: тёмные, плотные костюмы, лишённые украшений, но с алыми наплечниками – строгими, угловатыми, как и вся их дисциплина. Этот цвет был знаком силы, решимости и верности клану.

Это разделение не было обязательным, но в Асделии его соблюдали – как традицию, как способ напомнить ученикам: они пришли из разных миров и у каждого своя история.

Школа объединяла – но никогда не забывала, кого она объединяет.

В одном из классов школы маги погружались в изучение основ магии. Они разбирали древние тексты, повторяли заклинания, учились чувствовать потоки энергии и направ-

лять их. Всё строилось на внимании, точности и постоянной практике.

У опустошителей всё начиналось в тишине. Ни заклинаний, ни книг. Только дыхание. И голод – тот, что жил внутри каждого. Под надзором наставников они замыкали глаза, искали равновесие. Кто-то дрожал. Кто-то сжимал кулаки. Им не позволялось брать энергию у живых – лишь из кристаллов. Это была не тренировка, это была битва, битва с собой.

Люди света проводили тренировки на открытых аренах. Там звучал звон металла, гремели удары и трещала земля под ногами. Они оттачивали каждый удар, каждое движение тела, доводили его до совершенства – без магии, но с силой, равной любой стихии.

Так начинался обычный день в Асделии – школе, где учат не только сражаться, но и сдерживать себя.

На уроке магии в главной аудитории царила сосредоточенность. Все ждали с интересом – ведь сегодня преподавал сам профессор Раббиен, один из сильнейших магов школы, мастер призыва и почётный член Совета.

Высокий, излучающий аристократическую уверенность и строгость, профессор Раббиен шагнул вперёд и произнёс:

– Сегодня на уроке, – начал быстро профессор Раббиен. Его голос был сдержанным. – Мы изучим технику, которую вам никогда не позволят применять.

Он сделал шаг вперёд.

– Технику подчинения. Это не просто магия. Это власть.

Контроль над существами. Над их разумом. Но и над собой. Потому что, потеряв контроль – вы теряете всё.

Ученики переглянулись – было ясно, что этот урок станет особенным.

– После Великой Битвы, когда три клана объединились и одолели Смэрвэлиона, – начал профессор, – Есильдор Великий и его маги нашли в лесу тёмные книги. – В этих книгах хранились забытые учения. Эти знания написали не маги. Их создали те, кто когда-то был магом, но отдал душу Смэрвэлиону ради силы.

Голос был ровным, он обошёл класс взглядом.

– То, что легло на страницы, уже не было знанием – это была воля Тьмы.

Эти книги таят в себе опасную силу. Ключ к тому, чего мы не понимали.

Именно из этих текстов родилась техника подчинения.

Он медленно обошёл класс, оценивая каждого.

– Эти книги строго запрещены. Они запечатаны в Запретном Зале. Без разрешения директрисы Валерии туда не войдёт ни один маг. Для опустошителей и людей Света этот путь закрыт навсегда. Таков был приказ Есильдора. Его печать – до сих пор на воротах.

Раббиен на миг задержался взглядом на Рафаэле.

– Но сегодня нам сделали исключение. Лишь на этом уроке, лишь сейчас... вы коснётесь этой силы.

Он опустил голос:

– Она понадобится вам на Конкурсе Братства. Ведь каждые тринадцать лет существа, обитающие в лесу, где проходит конкурс, становятся всё сильнее... Многие ученики исчезают там, и не всех удаётся найти.

Вы должны не просто сразиться с этими созданиями – вы должны превзойти их.

И не только их, но и опустошителей, и людей Света.

– Есть и те, кто считает, что за исчезновениями стоят сами опустошители... или эти зеленоглазки, – пробормотал кто-то с заднего ряда, достаточно громко, чтобы услышали все.

Атмосфера в классе мгновенно изменилась.

– Чушь, – бросил другой, сидящий ближе к Рафаэлю. Голос был твёрдым, без тени сомнения. – Всё дело в хищниках. В том лесу водятся твари, которые не чувствуют боли. И не боятся магии.

Рафаэль не сводил глаз с профессора. Он будто искал в его лице подтверждение или опровержение. Но профессор не ответил. Он просто стоял, словно не слышал ни слов, ни шума.

Лишь на миг что-то дрогнуло в его взгляде. Как будто воспоминание вспыхнуло – и тут же погасло.

– Всё возможно, – сказал он наконец. Спокойно, тихо. Но не позволяйте страхам затмить разум. Техника подчинения требует ясности, воли... и полной собранности. Любая ошибка – не просто провал. Она может стоить вам жизни.

Он наклонился, достал из-под деревянного стола две шка-

тулки и поставил их перед учениками. Обе – тёмные, с потёртыми краями, покрытые странными символами, будто выжженными в древесине.

Он открыл первую. Изнутри вылетела прекрасная бабочка.

Крылья – переливающиеся бирюзой и фиолетом, будто расписанные живыми цветами. Она была размером с птицу и двигалась так плавно, будто не летела, а плыла по воздуху. Каждый взмах рассыпал сверкающие частицы, лёгкие, как пыльца, яркие, как рассвет над Энджи. В зале кто-то тихо ахнул. Особенно девушки – зачарованные, не отрывали глаз.

– Из дикого Леса, – произнёс профессор Раббиен. – Живая. Свободная. Но сейчас...

Он поднял руку. Пальцы сомкнулись в древнем жесте, и его голос изменился – стал холодным, глухим, как эхо, которое зовёт в кошмарах людей. Голубые глаза профессора вспыхнули – как два огня, в которых разом пробудилась древняя сила.

– Тьма, что повелевала, пусть станет рукой моей. Пусть воля чужая падёт. Сила тьмы, что из бездны восстала... Я повелеваю. Подчинись.

Бабочка на мгновение вздрогнула и застыла в воздухе, как застывает капля перед падением.

А потом – бесшумно, будто в замедленном сне – опустилась на его ладонь и замерла. Тихая. Спокойная. Без воли.

Профессор поднял взгляд. Ни единой эмоции на лице, а

в глазах – пустота. Никаких чувств.

– Запомните, – произнёс он, – тот, кто однажды произнесёт это и обуздает магию подчинения, сможет управлять ею без слов.

Лишь силой воли.

Он на миг замолчал. Затем, чуть тише:

– И это... лишь начало.

Профессор молча потянулся ко второй шкатулке. Замок щёлкнул и крышка медленно распахнулась. Изнутри вылетел шмель: огромный, с чёрными крыльями. От его тела поднимался лёгкий пар, будто внутри него кипело что-то неестественное. Он гудел с вибрацией, от которой звенело в ушах. Его жужжание было невыносимым. Укус такого шмеля вызывал судороги. Иногда – останавливал сердце.

Ученики, находившиеся ближе, медленно отодвинулись назад – будто сами того не заметили. Но профессор не моргнул. Просто указал пальцем на бабочку. Шмель вздрогнул в воздухе. На секунду замер. А потом – Быстро. Чётко. Резко. Вонзил свое жало в центр бабочки.

Она замерла. Крылья, что ещё секунду назад рассыпали магическую пыль, опали.

Свет исчез. Цвет исчез. И жизнь исчезла.

Бабочка упала. Беззвучно. Мертва.

Профессор Раббиен даже не взглянул на неё. Он протянул руку – и шмель, вернулся назад в шкатулку. Крышка захлопнулась.

Он посмотрел на учеников.

– Магия подчинения – не забава. Не искусство ради красоты. Это – власть. А власть требует решения. Без жалости. Без колебаний.

– Кто решится попробовать? – произнёс профессор Раббиен.

Тишина. Некоторые переглянулись. Кто-то опустил глаза. Другие – задержали дыхание. Взгляд профессора скользнул по лицам. Он не ждал от всех мужества. Но кого-то – ждал.

– Я, – отчётливо и без колебаний прозвучало в тишине класса.

Все обернулись. Это была София – высокая, стройная, с холодным блеском в глазах и безупречно собранными белыми волосами. Дочь Аластара, капитана магической гвардии, воспитанная в традициях чести и дисциплины, она с юных лет блистала на экзаменах и демонстрировала редкий дар к сложнейшим заклинаниям.

Её знали как одну из сильнейших учениц в Асделии.

И она была близка с директрисой Валерией, которая не скрывала своей симпатии к ней.

София сделала шаг вперёд.

Профессор Раббиен смотрел на неё спокойно.

– Подойди, – сказал он. – И помни: магия подчинения не прощает сомнений. Закрой глаза и постарайся почувствовать всю энергию вокруг своим телом.

София подчинилась, не сказав ни слова.

– В глубине этого мира, – продолжал он. – Под камнем, под землёй, под кровью истории Энджи – спит сила. Не свет и не хаос. Не жизнь и не смерть. Древняя, забытая, отвергнутая. Тёмная.

Он остановился рядом с ней, почти шепча:

– Она зовёт не всех. Но если ты слышишь её...пусти.

Впусти в себя. Не как ученица – как та, кто готова стать госпожой воли. И ты почувствуешь силу.

София не отвечала. Её лицо было бледным, безмолвным, и только дыхание стало медленным – глубоким, почти беззвучным. Мир для нее замер.

И тогда профессор Раббиен сказал:

– Произнеси. Уверенно. Как приговор.

София открыла глаза. Они потемнели – в них больше не было синего льда, только бездна, холодая, пустая. Она подняла руку, сложила пальцы в древнем жесте, и голос её прозвучал, как раскат далёкого, подземного грома:

– Тьма, что повелевала... пусть станет рукой моей. Пусть воля чужая падёт. Сила тьмы, что из бездны восстала... Я повелеваю. Подчинись.

Профессор Раббиен медленно открыл шкатулку.

Огромный шмель – с чёрными крыльями, поднялся в воздух, тяжёлый и грозный, словно живое оружие. Его жужжание вибрировало в каждом углу зала, вызывая у учеников холод по спине. Профессор указал рукой на Софию, и шмель, словно понимая приказ, медленно подлетел к её лицу, но тут

же остановился, будто чувствуя мощь заклинания Софии.

Затем резко ударил своим острым жалом в себя – жало вспыхнуло едва заметной искрой, и в тишине раздался лёгкий треск. София без сожаления отняла жизнь и спокойно смотрела, как шмель падает и умирает у её ног. А затем, уголками поднявшихся губ, медленно улыбнулась.

– Успех, – коротко сказал профессор Раббиен, и в его голосе прозвучала редкая нотка одобрения.

Класс вздохнул почти одновременно – кто-то восхищённо, кто-то с завистью, а кто-то с сожалением.

Тем временем – во внутреннем дворе школы – гремела тренировка.

Класс Джасмин двигался, как единый живой механизм. Рывки, прыжки, удары. Всё – с нечеловеческой скоростью. Ученики не просто бежали – они скользили по земле, будто её не касались. Прыжки – невесомые, почти как полёт. Кто-то поднимал каменные блоки так, будто это были пустые коробки. Пыль под ногами учеников поднималась.

С виду хрупкая, но быстрая, ловкая, как дикая птица, мчалась Джасмин впереди всех. Она считалась самой быстрой в классе и одной из самых быстрых во всём клане. Лишь её старшая сестра Астра превосходила её.

Астра – предыдущая победительница Конкурса Братства. Первая из клана Света за полвека, кто обошёл магов и опустошителей. Без колдовства, без тьмы. Только сила. Только скорость. Только воля.

Теперь Астра, гордость клана и генерал в армии отца.

Но Джасмин никогда не равнялась на сестру. Она любила тренировки не ради побед. Не ради силы.

В ней не было мечты стать воином. Её влекло другое. Когда она двигалась – чувствовала, как звучит мир. Сердцебиение света Энджи – в каждой клетке. Стук – не её, а чужих сердец: птиц, зверей, насекомых под землёй. Мир дышал вместе с ней. И она отвечала ему движением.

А посреди внутреннего двора, залитого тёплым светом раннего утра, наблюдала за своими учениками Ивелиа. Её волосы, золотистые и свободные, словно впитывали солнце – и сами начинали светиться.

Костюм, сплетённый из живого света, мягко облегал тело, подчёркивая каждое точное, отточенное движение. Глаза были глубокими, изумрудными, чистыми – как озеро в горах, не знавшее ветра. Они смотрели строго, но в этой строгости не было жестокости – лишь знание. Ивелиа была больше, чем преподаватель. Её чувствовали. Как присутствие. Как тень от высокого дерева в полдень. Она не объясняла – она направляла. И в этом было что-то почти сверхъестественное. Словно она уже знала, кем станет каждый из стоящих перед ней.

–Ты снова первая, – сказала Ивелиа, подходя к Джасмин. Её голос был спокоен и лёгок, словно утренний ветерок.

–Но скажи... зачем ты бежишь?

Джасмин подняла взгляд.

– Потому что чувствую, – ответила она ровно. – Как дышит земля, как в её недрах копошатся корни и слепые насекомые, как по мху неслышно бегут муравьи, как птицы переговариваются над кронами. Я бегу не за силой. Просто в движении слышу этот пульс Энджи, её шёпот, её дыхание.

– Прекрасный дар, – Ивелиа кивнула, в её глазах мелькнула тихая грусть.

– Но он нелёгкий. Ты не ищешь силы, Джасмин... но заплатить всё равно придётся.

Она смотрела прямо в лицо ученицы.

– Тебе уготована судьба, которую не выбирают и от которой не уйти. Однажды тебе придётся отдать всё ради тех, кто ещё не родился, ради тех, кто никогда не услышит твоего имени, даже ради того, кого любишь. Ради Энджи. Как когда-то поступила Асделия.

В словах Ивелии звучало одновременно что-то страшное и важное.

– Я... не понимаю, – тихо сказала Джасмин.

Ивелиа слегка склонила голову.

– Поймёшь. Когда придёт время.

– Всё, что произошло с Асделией, несправедливо, – прошептала Джасмин. Голос её дрогнул.

Ивелиа не возразила. Лишь чуть заметно улыбнулась – тихо, почти невесомо. Так улыбаются те, кто уже прошёл путь, по которому ты только начинаешь идти. Затем развернулась и ушла. Позади остался её лёгкий аромат – чистый, как утро

в горах. Джасмин осталась стоять на месте. Слова Ивелии не отпускали. Они не звучали как наставление — скорее как предвестие. Что-то важное, что ещё не случилось,

но уже начало жить в её сердце.

В это же время, в тёмном крыле школы, в каменной аудитории без окон, проходил урок опустошителей.

Здесь было тише и холоднее – атмосфера требовала сдержанности и полного контроля. Ученики в тёмных костюмах с алыми наплечниками, сидели прямо, не отвлекаясь ни на что вокруг.

Опустошители с детства учились контролировать жажду. Их тела инстинктивно тянулись к энергии. Они могли впитывать силу. Поглощать заклинания. Но стоило шагнуть за грань – и всё кончалось.

Говорили, что опустошитель, потерявший контроль, превращался в демона – существо без разума, жаждущее лишь поглощать, разрушать и расти. Такие случаи случались редко, но всё ещё происходили. За ними сразу начиналась охота – их уничтожали воины Света, а помогали им боевые маги. Никто не жалел тех, кто терял себя.

Перед каждым на столе лежал кристалл. Полупрозрачный, холодный на вид, он будто дышал светом. Их добывали в диком лесу Энджи – там, где энергия исходила прямо из земли. Чистая, первозданная. Опасная.

Когда кристалл был полон, он светился ярким бирюзовым

сиянием.

Если в нём оставалась ровно половина – начинал мерцать зелёным, будто колебался между жизнью и истощением. Но если его опустошить до конца – он гас. Темнел. И трескался, превращаясь в пустую, мёртвую оболочку.

Бесполезную. Как тело без души.

– Ваша задача, – произнёс профессор Андреяс, проходя между рядами, – впитать ровно половину энергии. Ни больше, ни меньше.

Контроль важнее силы. Всегда.

Он говорил спокойно, но в голосе ощущалась уверенность. Профессор был немногословен, сдержан, проницателен. Его холодный взгляд видел больше, чем хотелось бы ученикам. Он редко повышал голос – и потому каждое его слово звучало весомо.

Большинство справились: кристаллы в их руках засияли мягким зелёным светом. Свет был ровным, как их дыхание. Лица – сосредоточенные, напряжённые. Опустошители с детства учились держать магию на грани – и границу эту не переходить.

Но не все удержались.

У кого-то свет кристалла потух. У других – треснул.

Один из кристаллов рассыпался в ладони с еле слышным щелчком. Аудитория на мгновение замерла. Профессор Андреяс остановился, хмуро взглянул на виновников, но ничего не сказал. Его молчание было хуже выговора.

– Ну что, снова минус один кристалл, – произнёс с издёвкой один из учеников, бросив взгляд на соседа. – Хорошо, хоть сам не лопнул.

Несколько ребят засмеялись, глядя в сторону одноклассника.

– Лучше уж потерять кристалл, чем быть как Дармиан, – сказал кто-то с притворной жалостью, нарочно громко, чтобы слышали все. – Посмотрите на его камень: ни капли не впитал, даже не дрогнул.

Он обернулся к остальным, ловя взгляды.

– Он ведь не опустошитель... Бракованный. Он посмешище. Клоун с красными глазами, которых боятся только глупые дети магов и людей Света.

– Довольно, – произнёс кто-то спокойно, но твёрдо из центра зала.

Все обернулись. Голоса затихли.

Встал Эллай – один из лучших учеников класса и племянник предводителя опустошителей Эллиана. Он был гибридом – один глаз алый, другой зелёный, что символизировало его двойственную природу.

– Ты не знаешь, что у него внутри, – продолжил Эллай. – А если не знаешь, то не суди.

Он посмотрел на того, кто начал насмешки. Прямо. Без вызова – но и без страха.

Тот отвёл взгляд.

– Не каждый путь прямой, – добавил Эллай, глядя на Дар-

миана. – Не каждый кристалл говорит всю правду.

Класс притих. Даже профессор Андреяс слегка кивнул – не столько Эллаю, сколько его словам.

Эллая уважали – и немного боялись. Он был не только умным, честным и справедливым, но и носил в себе силу, унаследованную от матери. Он был как вулкан – тихий, сдержанный, будто спящий, но если просыпался, становился силой, с которой не спорят. Эллай всегда заступался за тех, кто не мог защитить себя. Многие тянулись к нему, как к чему-то надёжному. А его дядя – Эллиан, гордился племянником, в котором видел отражение своего брата – сильного, светлого, настоящего.

Отец Эллая, Эсфир, был легендой среди опустошителей, погибший много лет назад. А мать – Лили из клана людей света – умерла при родах, как и многие женщины, носившие ребёнка от союза двух рас. Но Эллай выжил. Он унаследовал силу обоих кланов, и стал доказательством: мир возможен.

Но память об этом брате – Эсфире – была трагична.

Эсфир, был лучшим воином среди опустошителей, он пал не в бою, а от боли. После смерти Лили, своей возлюбленной из клана людей Света, он не выдержал утраты. Замкнулся, начал пить магическое вино, ища забвения, всё больше теряя контроль над собой и своей силой.

Во время одного из походов в лес Энджи он впитал слишком много энергии – слишком резко, слишком жадно – и превратился в демона. Об этом узнали воины Света и маги,

и за ним началась охота. Но Эллиан, его брат, не смог отдать Эсфира на смерть.

Он поклялся, что сам положит конец его страданиям. Но, когда настал момент, не смог этого сделать. Эсфир сбежал в лес. С тех пор его никто не видел. Для всех он умер.

Эти истории редко озвучивались вслух, но каждый старший опустошитель знал их. И в каждом взгляде, брошенном на Эллая, была и надежда, и страх: не повторит ли он судьбу своего отца?

И всё же Эллай не отвернулся от своей природы. Он верил – в себя, в будущее, где три клана смогут жить без войны. Он нёс в себе и боль, и силу двух миров.

Звон колокола прервал урок. Началась перемена, и ученики начали расходиться, обсуждая между собой, кто сколько смог вытянуть из кристалла.

Во внутреннем зале столовой, отделённой от остальной школы высоким арочным проходом, уже было шумно. За длинными каменными столами сидели ученики всех трёх кланов – маги в синих мантиях с серебряной вышивкой, люди Света в лёгкой форме с золотой вышивкой на воротнике и спине, и опустошители в тёмных плотных костюмах с алыми наплечниками. Каждый клан держался ближе к своим: разговоры пересекались редко, взгляды – чаще, и не всегда дружелюбные. Напряжение чувствовалось в воздухе, хоть никто открыто его не выражал.

В углу у стены, как всегда, Дармиан сел один. Он не был

голоден – слишком сильно давила тяжесть неудачи. Он уже собирался отодвинуть поднос, как напротив с лёгкой улыбкой сел Эллай.

– Не обращай внимания на них, – сказал он тихо. – Слышал, как некоторые шутят. Это лишь страх и зависть. Ты не один такой.

Дармиан поднял взгляд.

– Они всегда смотрят так, будто я здесь по ошибке, – спокойно, почти шёпотом сказал он.

– Потому что ты другой. Но в этом сила, – улыбнулся Эллай. – Ты не должен им ничего доказывать. Главное – верить в себя.

Дармиан чуть приподнял бровь, оценивая слова, потом коротко кивнул.

– Посмотрим, что из этого получится, – сказал он коротко. Эллай улыбнулся чуть шире.

– Поверь, ты сильнее, чем думаешь.

Разговор Эллая с Дармианом продолжался, когда один из магов подслушал их и решил пошутить.

Это был Стефан, брат Софии и избалованный сын Ала-стара, капитана магической гвардии. Стефан был известен в школе не столько знаниями, сколько заносчивым характером и стремлением произвести впечатление перед учениками.

Нарочно перед всеми он использовал магию левитации, поднял поднос с едой Дармиана и целенаправленно пролил её содержимое на его штаны, демонстрируя своё превосход-

ство и пытаюсь унижить его.

По залу прокатился смех. Некоторые маги, люди Света и даже несколько опустошителей хмыкнули или откровенно рассмеялись.

Эллай поднялся, не скрывая раздражения:

– Следи за своими заклинаниями, маг. Осторожнее.

Стефан ехидно улыбнулся, преувеличенно поклонился и с насмешкой произнёс:

– Прошу прощения, уважаемый гибрид... Кажется, я перепутал заклинания.

Когда Эллай отвернулся, тот подло опрокинул на него стакан воды, стоявший на подносе самого Эллая.

В глазах Эллая вспыхнул огонь – пульсирующий красным светом. Он сжал кулаки, сдерживая бурю.

В Асделии любое насилие между учениками было запрещено. Особенно между кланами. Одно нарушение – и тебя вырывают с корнем, исключают без шанса на возвращение.

Но Стефану позволялось больше. Ему многое сходило с рук – не за заслуги, а по крови. Его отец, был членом совета школы. И в совете закрывали глаза на его выходки.

Что же касалось опустошителей – Валерия презирала их. И это знали все.

Особенно – Эллиана. Предводитель опустошителей был именно тем, кем она его считала: надменным, опасным, непоколебимым. Он открыто называл себя достойнейшим в Энджи. Не как вызов – как факт. Он верил, что его раса стоит

выше остальных. И не нуждался в чужом одобрении. Между ним и Валерией шла молчаливая игра – чья кровь сильнее, чей клан выше. Без слов, без правил.

А Эллай, как племянник Эллиана, был в её глазах не ученик, а заноза, которую хотелось вырвать при первом же поводе. Она бы с радостью исключила его, лишь бы появилась причина.

Но Стефан перешёл грань – и разбудил спящий вулкан. Внутри Эллая вспыхнуло нечто большее, чем гнев. Ненависть. Красный глаз вспыхнул, и энергия начала вытягиваться из Стефана. Инстинкт взял верх. Это была не защита – это была первобытная природа опустошителей.

София, до этого спокойно наблюдавшая, внезапно напряглась. Страх вспыхнул в её глазах, когда она почувствовала – что-то пошло не так. Стефан пошатнулся, и София вскочила – уже шагнула вперёд, будто собираясь удержать его или встать между ним и Эллаем.

Её движение стало сигналом. Ученики поднялись один за другим.

Опустошители шагнули вперёд – без ярости. В готовности сдержать. Они знали: если не остановить Эллая сейчас, потом будет поздно.

Маги напряглись, будто ощутили ток в воздухе. Готовность. Холодная, точная.

Люди Света встали одновременно. Как по команде. Их взгляд был один – не дать вспыхнуть огню.

И каждый понимал: если сейчас кто-то не вмешается, Асделию может потрясти то, что давно считалось невозможным.

Но в этот момент по залу разнёсся звонкий удар.

Рафаэль – быстрый, как всегда, оказался рядом и нанёс удар по лицу Стефана тыльной стороной ладони.

Глухая и натянутая тишина поглотила столовую.

Рафаэль спокойно, но твёрдо сказал:

– От имени магов я прошу прощения. За это жалкое поведение. За то, что кто-то из нас посчитал себя выше других.

Он перевёл взгляд на Эллая и Дармиана:

– Простите нас обоих.

Стефан, всё ещё прикасаясь к щеке, понял, что ситуация вышла из-под контроля. Он ощутил силу Эллая, заметил, как напряглась сестра, почувствовал внимательные взгляды опустошителей. Как молчали Светлые. Всё внутри него сжалось. Он опустил голову:

– Извините... Я... перепутал магию.

Кто-то из Светлых хмыкнул. Опустошители отвернулись. Напряжение спало – но не ушло.

София стояла на месте, сжав кулаки. В этот момент она не знала, кого ей было жаль больше – брата, потерявшего лицо... или себя, увидевшую, что показная сила рассыпается перед настоящей.

Эллай отступил на шаг и тяжело выдохнул, а его глаз погас. Он не смотрел на Стефана – только на Дармиана.

– Всё в порядке? – спросил он тихо.

Дармиан молча кивнул.

Рафаэль, стоявший рядом, выпрямился и бросил последний, холодный взгляд на мага, который теперь старался не встречаться глазами ни с кем, и на Софию, сжавшую кулаки и напряжённо наблюдавшую за происходящим.

Он медленно вдохнул. Не повышая голоса, Рафаэль, обращаясь ко всем трём расам, сказал:

– Дайте слово чести. Всё, что произошло сегодня в этих стенах, останется здесь. Ни один голос, ни один намёк не покинет пределы этого зала.

Все замолчали. Тишину первой перебила Джасмин:

– Клан Света даёт слово, – просто и без колебаний ответила она Рафаэлю.

Маги лишь кивнули – все, как один.

София подошла к брату, провела рукой по щеке. Без слова повернулась и ушла. Рафаэль прикрыл глаза на мгновение и последовал за ней.

– Ты всегда так? – спросил Дармиан, не отводя взгляда.

Эллай пожал плечами:

– Если считаю это правильным – то помогаю всегда и во всем, даже если это не опустошители. Никого не брошу.

Затем он улыбнулся Дармиану:

– Пошли отсюда. Тут есть место, где от этой шумихи можно сбежать. – он посмотрел в сторону магов. – И яблоко возьми, оно нам пригодится.

Дармиан немного задумался, потом согласился. Вместе они вышли из столовой, и холодный воздух леса мгновенно сменил гул школьного двора.

Они шли вдоль леса. Он начинался сразу за школой. Деревья в лесу поднимались стеной, а сырой после дождя воздух пахнул хвоей и влажной землёй.

– Ты часто здесь бываешь? – спросил Дармиан, не спеша и оглядываясь.

– Когда есть время, – ответил Эллай. – Иногда после обеда прихожу покормить друга.

– Друга? – переспросил Дармиан, заинтересованно.

– Да. Пегас. Я зову его Аштель. Это значит: «тот, кто уцелел». Он не такой, как о них пишут в книжках. Его крылья – огненные. И этот огонь чувствует, кому можно доверять, а кому нет.

Эллай сел на поваленное ветром дерево и смотрел в тень между стволами.

– Буря свалила дерево. Оно придавило крыло пегаса. Я нашёл его случайно, когда гулял тут один. Он испугался меня, либо моего красного глаза. Видимо он подумал, что я сейчас опустошу его энергию. Пламя на крыльях угасало, он умирал. Но когда он заметил мой второй глаз – зелёный, – он успокоился. Тогда я понял: Пегас чувствует кто ты – свет, тьма или что-то между.

– И ты ему помог? – спросил Дармиан.

– Да, я поднял дерево. Аштель посмотрел на меня – и его

огонь в крыльях вернулся. Тогда я понял. Если он подпускает – огонь не тронет. Если нет... – Эллай замолчал. – Он может испепелить.

– Опасный выбор для друга, – улыбнулся Дармиан.

– Может быть. Но иногда кажется, что он понимает больше людей.

Эллай достал из кармана деревянный свисток, потемневший от времени. Поднёс к губам и коротко свистнул – сигнал невидимому стражу неба.

Дармиан вскинул голову. В воздухе затрепетал звук, словно далеко гремела гроза. Лес застыл. Над верхушкой деревьев промчался огненный силуэт – пегас. Два пылающих крыла оставляли за собой тёплый след.

– Это мой друг, – прошептал Эллай, подходя ближе. – Аштель.

Пегас поднял голову, его золотые глаза внимательно смотрели на Эллая. Он спокойно подошёл, погладил животное по шее.

Потом мельком посмотрел на Дармиана и кивком указал на яблоко. Дармиан осторожно протянул угощение. Аштель внимательно принялся, затем аккуратно взял яблоко из рук.

Эллай жестом пригласил Дармиана ближе. Тот сделал шаг вперёд.

Пегас поднял голову и расправил огненные крылья. В воздухе повисло напряжение.

Пламя закружилось вокруг. Золотые глаза Аштеля встретились с красными глазами Дармиана. Мгновение растянулось, словно время замедлилось.

Взгляд пегаса отражал не только лицо Дармиана. Там было что-то большее – видение.

Ветер утих. Пламя на крыльях замерло на миг. В глубине взгляда всплыл образ: Дармиан – взрослый, сильный, в развевающейся чёрной накидке. Он верхом на Аштеле, они вместе летят высоко над лесом, над пылающими облаками, единым целым.

Аштель моргнул и сделал шаг вперёд. Пламя не обожгло. Он позволил Дармиану коснуться своей шеи.

Дармиан провёл рукой по тёплой шершавой коже и кивнул – благодарно, тихо, без слов.

Эллай улыбнулся:

– Он выбрал тебя.

Не успел Дармиан ответить, как в глубине леса раздался резкий щелчок – как будто наконечник копья вонзился в дерево.

– Эллай? – раздался знакомый голос.

Из-за деревьев вышла Джасмин с лёгким тренировочным копьём.

Увидев пегаса, она замерла. Глаза расширились, но не двинулась вперёд. Аштель резко вскинул голову и фыркнул. Пламя на крыльях взметнулось в воздух и ярко вспыхнуло. В его глазах мелькнуло недоверие. И в следующую секунду

пегас расправил крылья и взмыл в небо, оставляя за собой огненный след.

– Я не хотела спугнуть, – тихо сказала Джасмин, опуская копье. – Я тренируюсь здесь после обеда. Не знала, что вы тут...

– Всё нормально, – ответил Эллай. – Он просто не привык к чужим.

– Это был пегас? – спросила Джасмин.

– Аштель, – ответил Эллай.

Она молчала, потом сдержанно сказала:

– Пегасы опасны. Не просто дикие – они враждебны. Ненавидят пожирателей, которые когда-то пытались вытянуть из них пылающую энергию. И до сих пор пытаются.

Эллай напрягся, но молчал.

– Клан Света – тоже не в почёте у пегасов, – продолжила Джасмин. – Мы пытались их подчинить, считали символом чистой силы. Маги тоже. Много веков назад их пытались связывать заклятиями, делать боевыми или жертвенными. С тех пор пегасы держатся подальше от всех.

Она посмотрела в небо, где только что исчез Аштель:

– Пламя пегаса – это воля. Если он подпустил вас, значит, для него вы важны.

Дармиан молча смотрел на неё, потом снова перевёл взгляд в лес.

– Он не приручён, – тихо сказал Эллай. – Каждый раз – как впервые. Он сам выбирает.

Джасмин всё ещё смотрела в небо, будто надеясь увидеть пылающие крылья снова.

– Не говори никому об этом, – тихо сказал Эллай.

Она перевела взгляд на него. Лицо было спокойно, голос твёрдым:

– Не собиралась. То, что он вас подпустил – не моё дело. И вряд ли кто поверит.

Дармиан чуть кивнул в благодарность. А Эллай повернулся к тропинке, ведущей обратно к школе. В лесу было тихо, лишь где-то капала вода с веток.

Дармиан молчал некоторое время, потом спокойно сказал:

– Спасибо за всё. Не только за Аштеля.

Эллай только кивнул. Слов не требовалось.

Вместе они поднялись по склону. Впереди ждал шум коридоров, новые уроки и обычный день. Обед подходил к концу.

Глава IV. Тени в Запретном зале.

Ночь опустилась на Асделию, укрыв её серым туманом. Коридоры школы пустели, а факелы лишь слабо освещали стены. Но Дармиан не спал. Он стоял у окна, прислонившись к холодному камню стены. Внизу, за стеной, выделялась тёмная громада Запретного зала – строгая, молчаливая, будто не принадлежала остальной школе. Туда никогда не ходили.

Даже учителя могли входить туда лишь по особому праву.

Но этой ночью правила были нарушены. Там, в глубине двора, он заметил движение – силуэт. Высокий. Прямой. В синих одеждах мага. Рафаэль. Он двигался без колебаний, словно знал каждую тень на пути. Через несколько секунд массивные двери зала распахнулись и впустили его. Без вспышки. Без сопротивления. Без звука.

Дармиан не стал раздумывать.

Он вышел в коридор и, стараясь не попадать в свет факелов, спустился вниз. Его шаги были почти неслышны, дыхание сбивалось от напряжения. Воздух казался странно плотным, как будто здание само знало, куда он идёт. У входа в зал, он остановился. Печати не светились. Они просто исчезли. Либо были сняты кем-то другим. Дармиан коснулся двери, и она легко открылась, будто ждала именно его. Он вошёл. Зал оказался больше, чем он ожидал. Тёмный, с высокими колоннами, теряющимися вверху. По полу тянулись узоры, словно следы древнего ритуала. По периметру, в нишах и на пьедесталах, стояли книги. И почти все они... горели.

От них шёл шёпот. Невнятный, но зовущий. Он не различал слов, но смысл был ясен: «Возьми меня. Открой. Мы помним тебя...»

Дармиан стоял на грани – между страхом и влечением, между разумом и чем-то древним, что звало его. Рафаэль стоял в центре круга, напряжённый, сосредоточенный. На-

против – Валерия. Тень в мерцающем свете, будто её движения были не совсем человеческими. В каждом её движении пряталась тревога – в осанке, в медленном повороте головы, в пальцах, затаивших магию.

Она взмахнула рукой. Из круга вырвалось фиолетовое пламя – из пламени два силуэта. Их шерсть – густая, чёрная, как ночь за окнами. Волчонки. Глаза – алые, горящие сквозь дым. Не взрослые, но уже не беззащитные. Близнецы: связанные не только кровью, но страхом и одиночеством. Они стояли плечом к плечу, прижавшись друг к другу, словно ища укрытие – даже от той, кто их вызвала.

«В технике подчинения маг не должен колебаться, – холодно произнесла Валерия. – Даже если перед ним живое. Даже если оно связано узами крови.»

Первый волчонок медленно опустил на лапы – беззвучно, без тени сомнения. Второй задержался: взгляд его скользнул по кругу, по Валерии, где та стояла в тени колонн, словно предчувствуя запах смерти.

Рука Валерии взмыла вверх.

Молния рассекла воздух – тонкое, сверкающее лезвие. Удар пришёлся прямо в грудь первого щенка. Он дёрнулся, и по залу пронёсся хруст: тело рухнуло, обмякнув, будто всё живое из него выжгли за одно дыхание.

Второй волчонок вскинул голову, и из его пасти вырвался крик – не вой, не звук, а сама боль, разорвавшая ночь. Он бросился к мёртвому брату. Ткнулся носом в окровавленную

шерсть, лизнул её, снова и снова – будто можно было согреть, можно разбудить. Он пытался подтолкнуть тело лапой. Сначала осторожно. Потом сильнее. Потом – яростно, с рыком, будто взывал к жизни силой отчаяния. Но тело не отвечало.

Он лёг рядом. Поджал лапы. Прижался всем телом, словно хотел спрятаться в том, кто больше не дышал. Его грудь судорожно вздымалась. Беззвучный рёв вырывался сквозь стиснутую пасть. И тогда он замер. Как будто сердце в нём тоже остановилось.

Дармиан стоял в тени. Его грудь сжало, будто чьи-то когти сомкнулись внутри. Сердце рвалось из груди не только от жалости, но от неожиданной боли, как будто он сам потерял брата. Его сознание порвалось на куски, и он ощутил, как чужая кровь, чужая боль, проникли в него, слились с его собственным страхом и состраданием.

Его ноги подкосились. Он схватился за стену, чтобы не упасть. Воздух резал горло, как стекло, а в глазах стояли слёзы, которых он не замечал. Он больше не мог оставаться в тени.

– Теперь ты, – сказала Валерия. Ровно. Холодно. Словно ничего не произошло.

Рафаэль молчал.

Он стоял в круге, сжав кулаки, дыхание сбивалось, будто каждое слово – это пропасть. В глазах – паника. Он не мог ответить. Он не мог дышать. Он не желал убивать.

И тогда из тени шагнул Дармиан.

Медленно. Как человек, вышедший из пламени – едва живой. Лицо – мертвенно-бледное. Взгляд – потухший, затянутый чужой болью. Он смотрел не на Валерию. Он смотрел на оставшегося волчонка. И еле слышно выдохнул:

– Не надо... Не делай этого...

Рафаэль застыл. Его глаза зацепились за Дармиана, и всё остальное растворилось в пустоте.

На лице вспыхнул страх. Растерянность сковала движения. Но глубже, под этим, затаилась боль – тихая, тяжёлая, которую он сам не мог осознать. Валерия не пошевелилась.

Медленно, словно сквозь толщу воды, повернула голову к Дармиану.

И посмотрела. Долго. Внимательно.

Как будто только сейчас увидела его.

– Как ты сюда попал? – её голос был холоден, но в нём зазвучала едва уловимая тень интереса.

– Просто вошёл, – взяв все силы в руки, ответил Дармиан.
– Дверь сама мне открылась.

На мгновение лицо Валерии изменилось. Брови чуть приподнялись, в глазах мелькнула мысль. Но уже через секунду маска непроницаемости вернулась.

– Эти существа проникли в Асделию, – сказала она ровно.
– Мы проводили зачистку. Возвращайтесь в свои комнаты. Немедленно.

Существо растворилось в последней вспышке света. Валерия отвернулась, оставив тишину за собой.

Дармиан и Рафаэль вышли из зала без слов. За их спинами Валерия стояла у закрытой двери – задумчивая, внимательная, словно пытаюсь вспомнить, когда она в последний раз открывалась сама... и для кого.

В узком коридоре молчание разрезал лишь звук шагов по каменному полу. Рафаэль шёл вперёд, не оборачиваясь.

Дармиан шагал чуть позади, чувствуя, как сердце всё ещё бьётся, не отпуская тяжесть случившегося.

Уже за поворотом, когда Запретный зал скрылся за каменными стенами, Рафаэль остановился.

– Что ты видел? – спросил он, не оборачиваясь.

Дармиан молчал. Он смотрел на его спину.

– Всё, – наконец произнёс он. – Я видел всё.

Рафаэль медленно повернулся. Лицо было маской – спокойной. Но в глазах... бушевала буря.

– Ты не должен был там быть.

– Ты тоже, – ответил Дармиан. – Тебе ведь тоже нельзя.

Тишина встала между ними – как стена, как оружие.

– Почему ты не вмешался? Ты же видел... как он звал брата. Они были вместе. Они понимали. Ты мог спасти их! – голос Дармиана был едва слышен.

Рафаэль отвёл взгляд. Его рука дрогнула. В ней пульсировала не магия, а вина.

– Это... тренировка, – выдавил он. – У нас... такие методы.

– Жестокие, – твёрдо сказал Дармиан. – Это не сила. Это

страх.

Рафаэль сжал челюсть. Он хотел что-то сказать – сорвать-ся, крикнуть, оправдаться. Но вместо этого прошептал:

– Ты ничего не знаешь.

Он смотрел на каменный пол, будто искал в нём слова.

– Ты не знаешь, что значит быть наследником. Когда твоя мать ждёт не любви. Не человечности. Только власти. Только власти и подчинения.

Ни права на слабость. Ни шанса на жалость. Ни прощения за ошибку.

Рафаэль молча отвернулся и зашагал вперёд. Дармиан тихо шёл рядом – ни слова, ни взгляда. Коридор тянулся в тишине. И камень под ногами отдавал холодом.

Внезапно Рафаэль остановился.

– Почему ты вышел? – спросил он, не оборачиваясь.

Голос звучал ровно, но в нём звенело напряжение.

– Зачем ты остановил меня?

Дармиан поднял глаза.

Спокойно, прямо – как будто в этих словах не было сомнений.

– Потому что ты бы потом жалел.

Рафаэль задержал взгляд. Что-то дрогнуло в его лице. Он хотел ответить... но воздух застрял в горле.

Вместо слов – лишь едва заметный кивок. Он развернулся и пошёл прочь, не оглянувшись.

Дармиан остался.

Стоял, пока силуэт Рафаэля не растворился в полумраке.
Пальцы сами сжались в кулаки.

Грудь стянуло, горло будто перехватило – как если бы что-то огромное, тяжёлое, рвалось наружу, но не находило слов. Он просто стоял один. Со всем этим – внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.